

Хрусталёв Вячеслав Константинович

БОРЬБА С НЕДОБРОСОВЕСТНЫМИ ОБВИНИТЕЛЯМИ В УГОЛОВНЫХ СУДАХ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Данная статья посвящена анализу борьбы с различными видами недобросовестного обвинения, выделяемыми в практике римских уголовных судов периода Поздней республики: calumnia, praevicatio, tergiversatio. Автор считает эти преступления "неизбежным злом" в условиях отсутствия в Древнем Риме института государственных обвинителей и приходит к выводу, что попытки борьбы с недобросовестными обвинителями римскими законодателями, несомненно, предпринимались, однако они так и не достигли своей цели.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 212-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. **Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период)** / под ред. П. А. Колесникова. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1981. 192 с.
13. **Ходаковский Е. В., Курина Н. Н.** Никольская церковь в селе Пурнема и деревянная архитектура Беломорья XVII–XVIII вв. // Архитектурное наследие. М.: НИИТИАГ РААСН, 2010. № 55. С. 59–66.
14. **Штаден Г. фон.** Записки о Московии. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1925. 182 с.
15. **Шургин И. Н.** Исчезающее наследие: очерки о русских деревянных храмах XV—XVIII вв. М.: Совпадение, 2006. 200 с.

**TEMPLE ARCHITECTURE OF THE WHITE SEA REGION
IN THE XVTH-XIXTH CENTURIES: PROBLEMS OF PERIODIZATION**

Evgenii Valentinovich Khodakovskii, Ph. D. in Art Criticism

Department of Russian Art History

St. Petersburg State University

E.Khodakovsky@mail.ru

The author discusses the reconstruction of the wooden church architecture history of the White Sea region in the XVth-XIXth centuries on the basis of written sources, comparing them determines the main periods of wooden architecture development within the White Sea region, and reveals the regularity of its historical development related to the determinative influence of the Solovki Monastery.

Key words and phrases: wooden architecture; Russian North; the White Sea; the Solovki Monastery; Old Russian art.

УДК 94(37).05

Исторические науки и археология

Данная статья посвящена анализу борьбы с различными видами недобросовестного обвинения, выделяемыми в практике римских уголовных судов периода Поздней республики: calumnia, praevaticatio, tergiversatio. Автор считает эти преступления «неизбежным злом» в условиях отсутствия в Древнем Риме института государственных обвинителей и приходит к выводу, что попытки борьбы с недобросовестными обвинителями римскими законодателями, несомненно, предпринимались, однако они так и не достигли своей цели.

Ключевые слова и фразы: Поздняя римская республика; общественные обвинители; ложное обвинение; превадикация.

Вячеслав Константинович Хрусталёв

Кафедра всеобщей истории

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

vyacheslav-hrust@mail.ru

**БОРЬБА С НЕДОБРОСОВЕСТНЫМИ ОБВИНИТЕЛЯМИ
В УГОЛОВНЫХ СУДАХ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ[©]**

Как известно, институт государственных обвинителей, чьей обязанностью являлось бы привлекать к суду лиц, заподозренных в уголовном преступлении, в Поздней римской республике отсутствовал. Вместо этого право подачи жалобы на любые противоправные действия было предоставлено каждому совершеннолетнему римскому гражданину вне зависимости от того, имеет он какое-либо отношение к заявленному делу или нет. Институт общественных обвинителей был краеугольным камнем системы римского уголовного судопроизводства. Таким образом, государство в очень значимом для себя вопросе, вопросе наказания преступников, находилось в полной зависимости от доброй воли частных лиц (подобная ситуация, к слову, вообще характерна для античности – ср., например, с классическими Афинами [3, с. 184]). Эта проблема представляется ещё более важной в свете того обстоятельства, что само определение «уголовных преступлений» (delicta publica) в Римской республике отличалось от нашего. Под ними понимались, прежде всего, противоправные деяния, затрагивающие интересы общества в целом, – такие как вымогательство (crimen repetundarum), предвыборные махинации (ambitus), казнокрадство (peculatus) и ряд других – и лишь немногие, наиболее опасные преступления против отдельных граждан (например, убийство). Естественно, поэтому государство пыталось каким-то образом поставить под контроль деятельность общественных обвинителей и гарантировать добросовестное исполнение ими принятых на себя обязанностей.

Определённые усилия для этого прилагались ещё на самых ранних стадиях подготовки к судебному процессу. В Поздней римской республике процедура привлечения к суду какого-либо лица по обвинению в уголовном преступлении включала в себя ряд этапов. Первым шагом было *postulatio* – устное заявление претору

с просьбой о принятии жалобы. Тот определял, является ли данный случай подлежащим рассмотрению по какому-либо из существующих законов. Если претор не находил подобных оснований, он отклонял просьбу. На данной стадии вполне могла сложиться ситуация, при которой на роль обвинителя претендовали сразу несколько кандидатов. В таком случае проводилась процедура дивинации (*divinatio*) (см.: Cic. Div. in Caec., 19; 64; Fam. VIII, 8, 3): судьи заслушивали речи, произносимые претендентами, и выбирали того, кому поручали обвинение. Термин «*divinatio*», несомненно, пришёл в юридический лексикон из сакральной сферы, где он употребляется в значении «гадание, выяснение будущего» [4, с. 74-77]. В. Кункель высказывает гипотезу, что когда-то назначение обвинителя вообще происходило по жребию [7, S. 95]. Дивинацией называлась также и сама речь, произносившаяся каждым из потенциальных обвинителей. Процедура голосования при дивинации имела ряд особенностей: судьи не приносили присяги и голосовали все одновременно, а не поодиночке (Cic. Div. in Caec., 7; 24). Квинтилиан (Quintil. Inst. or. VII, 4, 34) называет главными критериями, которыми следует руководствоваться, выбирая обвинителя при процедуре дивинации, следующие: *industria* («рвение»), *vires* («сила, энергия»), *fides* («добросовестность»). Для Ульпиана наиболее важными качествами обвинителя являются его заинтересованность в деле, *dignitas* («достоинство»), *aetas* («возраст») и *mores* («нравы») (Dig. 48, 2, 16). Нужно заметить также, что желание потерпевшей стороны видеть своим представителем того или иного человека не было для судей обязательным при назначении официального обвинителя, хотя, по-видимому, принималось во внимание (Cic. Div. in Caec., 10; 17-21). Затем следовало *nominis delatio* – вручение непосредственно жалобы. После неё происходила процедура *legibus interrogatio*. Обвинитель в присутствии претора предъявлял свое обвинение ответчику лично. Обвиняемый имел возможность добровольно признать свою вину до суда, однако это не вело к прекращению дела, поскольку претор не имел полномочий в одиночку решать вопрос о его виновности или невиновности. Кроме того, римское право, как уголовное, так и гражданское, вообще не считало добровольное признание вины и раскаяние преступника смягчающими обстоятельствами. Так, комментируя ситуацию, когда вор добровольно возвращает законному владельцу украденное, Ульпиан пишет: «Совершив подобное, никто ведь не перестаёт быть преступником благодаря своему раскаянию» («Nemo enim tali peccato paenitentia sua nocens esse desinit») (Dig. 47, 2, 66). После процедуры *legibus interrogatio* претор составлял письменный документ с изложением сути заявленного обвинения – *inscriptio*. «Дигесты» содержат стандартный текст подобного документа по обвинению в супружеской измене (*adulterium*), относящийся к эпохе империи (Dig. 48, 2, 3), однако нельзя исключать, что использованная в нём терминология восходит ещё ко временам Поздней республики [6, р. 465]. Под ним, по всей видимости, ставили свою подпись главный обвинитель и его помощники, что следует из самого их названия – *subscriptores*. Лишь за этим следовало принятие жалобы претором (*nominis receptio*) (Cic. Verr. II, 2, 94; 101; II, 4, 40; Fam. VIII, 8, 2; Val. Max. III, 7, 9). Претор вносил обвиняемого в списки, и последний официально становился подсудимым – *reus*.

Будучи утверждён претором, обвинитель становился в определённом смысле должностным лицом – представителем государства, заинтересованного в наказании преступника. Он фактически выполнял функции современных прокурора и следователя. Для ведения следствия по делу (*inquisitio*) обвинитель получал особые полномочия: производить обыск у подсудимого и некоторых других лиц; опечатывать общественные и частные документы и снимать с них надлежаще удостоверяемые копии (ср.: Cic. Font., 18); вести допрос свидетелей и заставлять их, в случае необходимости, являться в суд для дачи показаний; наконец, требовать всяческого содействия расследованию со стороны властей [2, с. 756]. С этого момента, однако, на обвинителя накладывались и некоторые обязательства. Он уже не имел права добровольно отказаться от ведения дела и вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей сам мог быть привлечен к судебной ответственности.

Римские юристы различали три вида недобросовестного обвинения: *calumnia*, *praevaricatio* и *tergiversatio*. Марциан даёт им следующие определения: «Совершить *calumnia* означает вменить в вину несуществующие преступления, *praevaricatio* – скрывать подлинные преступления, *tergiversatio* – вообще отказать от обвинения» («*calumniari est falsa crimina intendere, praevaricatio vera crimina abscondere, tergiversari in universum ab accusatione desistere*») (Dig. 48, 16, 1, 1).

Рассмотрим каждое из перечисленных правонарушений, которое могло быть совершено общественным обвинителем, по отдельности. Первое из них – это *calumnia*, то есть клевета, злонамеренное и заведомо ложное обвинение невиновного человека. Практически так же, как и Марциан понимает значение данного термина Павел: «Клеветником является тот, кто, действуя сознательно и с умыслом, при помощи обмана причиняет кому-либо хлопоты» («*calumniosus est qui sciens prudensque per fraudem negotium alicui comparat*») (Paul. Sent. I, 5). Это определение может быть применено как к уголовным, так и к гражданским делам. Главной отличительной чертой *calumnia* является именно наличие злого умысла, что особо подчёркивает и Гай: «Ведь клевета так же, как и кража определяется наличием злого умысла» («*calumnia enim in adfectu est, sicut crimen furti*») (Gaius Inst., IV, 178).

Институт общественных обвинителей создавал самые благоприятные условия для возникновения преступлений, относящихся к этой категории. Не подлежит сомнению, что большинство обвинителей, привлекая к суду какое-либо лицо, руководствовались исключительно личными мотивами. Они могли быть самыми разными: месть, материальная заинтересованность, попытка при помощи обвинения какого-либо известного человека громко заявить о себе и таким образом начать политическую карьеру. В таких ситуациях все

средства были хороши – в том числе и клевета. Ярким примером подобного откровенно ложного обвинения может служить, в частности, дело Квинта Росция из Америк (80 г. до н.э.), которому наёмный обвинитель Гай Эруций приписал убийство собственного отца (Cic. Rosc. Amer.).

Естественно, что против этого предпринимались соответствующие меры. Перед началом процесса между *postulatio u nominis delatio*, обвинитель должен был особой клятвой подтвердить справедливость своих действий (Lex Acilia I, 19; Cic. Fam. VIII, 8, 3). Таким образом, клеветник становился одновременно и клятвопреступником, и уже на данном основании он мог быть привлечён к ответственности.

Помимо этого, существовал также отдельный закон, который устанавливал наказание за ложное обвинение – *lex Remmia* (Cic. Rosc. Amer., 55; Dig. 48, 16, 1, 2). Об этом загадочном законе неизвестно практически ничего: ни время и обстоятельства его принятия, ни содержание. Как можно понять из речи Цицерона в защиту Секста Росция, на лбу злонамеренного обвинителя ставилось клеймо в виде латинской буквы «К» (*kalumniator*) (Cic. Rosc. Amer., 57). Можно предположить, что эта кара как раз и предусматривалась *lex Remmia*, но ни доказать, ни опровергнуть это утверждение невозможно. Данное наказание выглядит чрезмерно жестоким и необычным для римской правовой системы. Поэтому английский исследователь А. Гринидж, например, полагает, что хотя и *lex Remmia*, и упоминаемая Цицероном суровая кара оставались в силе, на деле в период Поздней республики они не применялись. Данное обстоятельство он связывает с отсутствием отдельной постоянной судебной комиссии, которая действовала бы на основании этого закона, поэтому осуществлять такой суд могло только народное собрание (*iudicium populi*). По всей видимости, предпочтение отдавалось другой процедуре. Если процесс заканчивался оправданием подсудимого и в его ходе делались очевидными безосновательность или, тем более, умышленная фальсификация обвинения, председательствовавший на нем магистрат мог привлечь обвинителя к суду перед той же самой судебной комиссией [6, р. 469]. М. Бартошек также сомневается в реальном существовании этого жестокого наказания [1, с. 59].

Нам сложно судить, насколько часто встречались случаи откровенно ложных обвинений в римской уголовной практике. Риснём предположить, что судебные процессы над клеветниками были относительно редки. Причиной этого, возможно, было то обстоятельство, что доказать злонамеренность обвинителя было непросто. Во всяком случае, в источниках с полной достоверностью отражён только один такой случай, связанный с процессом в *quaestio de repetundis* над Марком Эмилием Скавром в 54 г. до н.э.; он закончился оправданием заподозренных в клевете обвинителей, поэтому сложно сказать, какое наказание их ожидало (Ascon. 30 Clark). С уверенностью можно утверждать лишь то, что им угрожала потеря гражданской чести – *infamia*. Одним из последствий такого наказания, в частности, было запрещение в будущем выступать в суде с обвинением кого-либо, за исключением дел, непосредственно затрагивающих интересы данного лица (Dig. 48, 2, 4).

Вторым и, по-видимому, наиболее распространённым видом недобросовестного обвинения являлась *praevaricatio* – сговор обвинителя с подсудимым с тем, чтобы первый обвинял только для вида и тем самым обеспечивал оправдательный приговор. Заставить обвинителя пойти на *praevaricatio* было одним из наиболее простых и действенных способов спастись для подсудимого, если его вина была очевидной, и у него не было надежды на оправдание. Для этого зачастую использовался прямой подкуп обвинителя деньгами. Кроме того, могли применяться и более изощрённые методы, как, например, в деле Гая Куриона Старшего. Последний был обвинён Квинтом Цецием Метеллом Непотом. Однако в ответ Курион через третье лицо добился, что сам Метелл тоже был привлечён к суду по другому делу. В результате они пришли к соглашению: Курион отказывался от судебного преследования Метелла, а тот оставлял в покое самого Куриона. Никаких отрицательных последствий ни для того, ни для другого это не имело (Ascon. 63-64 Clark).

Во многом именно поэтому в римском уголовном суде личная заинтересованность обвинителя в деле считалась не столько помехой, сколько преимуществом: полагали, что враждебность к подсудимому заставит обвинителя тщательнее вести расследование и снизит вероятность *praevaricatio* [5, р. 20]. Цицерон, например, порицает существовавшую в некоторых полисах Греции практику официального назначения обвинителей и говорит, что обвинители «не могут ведь быть суровы, если они не добровольцы» («quidem graves esse non possunt, nisi sunt voluntarii») (Cic. De leg. III, 47).

Специального закона, который бы устанавливал наказание для виновных в данном преступлении, кажется, не существовало. Можно предположить, что уголовное преследование при *praevaricatio* осуществлялось точно таким же способом, как и в случае с *calumnia*: после оправдания подсудимого, если возникали какие-либо подозрения в сговоре, уже против обвинителя возбуждался новый процесс перед той же самой судебной комиссией. О процессе в *quaestio perpetua* над обвиняемым в *praevaricatio* сообщает, в частности, Цицерон (Cic. Q. fr. II, 15, 3). Ни одного случая, когда человек, заподозренный в *praevaricatio*, был осужден уголовным судом, нам неизвестно. По всей видимости, как и в случае с *calumnia*, недобросовестному обвинителю угрожала утрата гражданской чести.

Особняком в этой связи стоит принятый в 59 г. до н.э. по инициативе Гая Юлия Цезаря *lex Iulia de repetundis*. Этим законом специально оговаривалась ситуация, когда подсудимый подкупал своего обвинителя похищенными деньгами и таким образом склонял его к *praevaricatio*. В таком случае продажный обвинитель рассматривался как соучастник в преступлении, и пострадавшие провинциалы могли также привлечь его к суду в *quaestio de repetundis* как третье лицо, которому достались похищенные деньги (*quo ea pecunia*

pervenerit) (Cic. Fam. VIII, 8, 2). Признание факта сговора обвинителя с подсудимым также служило основанием для отмены оправдательного приговора последнему и назначения нового судебного разбирательства по тому же самому делу.

Третья и последняя категория недобросовестного обвинения – это *tergiversatio*, добровольный отказ от обвинения без убедительных причин. Этот вид преступлений является наиболее сложным для анализа. Можно назвать очень много случаев, когда судебные процессы прекращались на самых разных стадиях из-за отказа или неявки обвинителей без всяких последствий для последних. Одно свидетельство, которое может быть отнесено к *tergiversatio*, всё-таки существует, но оно очень сомнительно. Это слова Цицерона из речи «Pro Cluentio»: «(Клуэнций – В. Х.) не мог отказаться от обвинения, не рискуя опозориться как злостный обвинитель» («*ne sine ignominia calumniae relinquere accusationem*») (Cic. Cluent., 86 – *пер. В. О. Горенштейна*). Однако данную фразу можно истолковать иначе: опасность угрожала Клуэнцию не из-за отказа от обвинения как такового, а из-за подозрения в злонамеренности и лживости самого обвинения, которое возникало вследствие отказа. Мы предлагаем следующее объяснение данному факту. Дело в том, что сговор с обвиняемым в большинстве случаев как раз и мог послужить мотивом для *tergiversatio*. Поэтому, хотя на законодательном уровне и проводилось различие между ними, на практике они могли рассматриваться как одно и то же преступление.

Подводя итоги, скажем, что попытки устранить недостатки, связанные с функционированием института общественных обвинителей, римскими законодателями, несомненно, предпринимались. Другое дело – насколько эти попытки были успешными, и на данный вопрос следует ответить скорее отрицательно. Причин этому несколько. Во-первых, так и не была создана прочная законодательная база: отсутствовали специальные законы, на основании которых можно было бы привлекать к ответственности недобросовестных обвинителей (за исключением *lex Remmia*, который, как уже отмечалось ранее, на практике, видимо, не применялся). Во-вторых, помехой служил сам характер этих преступлений: очевидно, что не так-то просто было доказать наличие злого умысла в действиях обвинителя или факт сговора между ним и обвиняемым. Похоже, именно с этим связано, что после многих процессов, закончившихся оправдательными приговорами, ходили слухи о превакации, но нам не известно ни одного точно зафиксированного случая, когда бы превакатор был осуждён.

Список литературы

1. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
2. Зелинский Ф. Ф. Римский уголовный процесс // Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. СПб.: Изд. А. Я. Либерман, 1901. Т. 1. С. 755-761.
3. Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 480 с.
4. Сморгчов А. М. Сакрально-правовые термины *legum dictio/divinatio* и авгурская практика // *Studia historica*. М., 2010. Т. X. С. 66-77.
5. Alexander M. C. *Praemia in the quaestiones of the Late Republic* // CPh. 1985. Vol. 80. № 1. P. 20-32.
6. Greenidge A. H. J. *The Legal Procedure of Cicero's Time*. Oxf.: Clarendon Press, 2004. 592 p.
7. Kunkel W. *Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1962. 149 S.

STRUGGLE AGAINST UNSCRUPULOUS PROSECUTORS IN CRIMINAL COURTS OF LATE ROMAN REPUBLIC

Vyacheslav Konstantinovich Khrustalev

Department of General History

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen

vyacheslav-hrust@mail.ru

The author analyzes the struggle against various types of unscrupulous prosecution revealed in the practice of the Roman criminal courts during the period of the Late Republic: *calumnia*, *praevaricatio*, *tergiversatio*, considers these crimes as “necessary evil” under the conditions of the absence of public prosecutors institution in ancient Rome, and comes to the conclusion that Roman legislators certainly undertook the attempts of the struggle against unscrupulous prosecutors but they did not reach their goal.

Key words and phrases: Late Roman Republic; public prosecutors; false accusation; prevarication.